

Гаяне Шагоян

Мемориализация землетрясения в Гюмри¹

Хотя в нашем городе много памятников, посвященных землетрясению, но мы все еще помним о нем.

Из сочинения ученицы 10-го класса
10-й средней школы Гюмри²

Постановка проблемы

Статья посвящена проблеме мемориализации разрушительного землетрясения в Армении, которое произошло 7 декабря 1988 г. и унесло жизни около 25 000 человек. Полностью или частично оказались разрушенными города Спитак, Ленинакан (ныне — Гюмри), Кировакан (ныне — Ванадзор). В данной работе мы предлагаем обсудить процессы запоминания и забвения землетрясения на примере одного из городов, пострадавших во время бедствия, — Гюмри (второго по величине города Армении). Эти процессы проанализированы в контексте соотношения двух типов памяти, используя терминологию Я. Ассмана, — памяти коммуникативной и культурной [Ассман 2004: 50–62], иначе говоря, памяти живой, повседневной (устные рассказы, ритуалы поминовения, предметная память [Там же: 20]) и памяти официальной, монументальной, канонизировавшей культуру-

Гаяне Арутюновна Шагоян

Институт археологии
и этнографии НАН Армении,
Ереван
gayashag@yahoo.com

¹ Исследование проведено в 2006 г. в рамках стипендиатской программы Южно-кавказского регионального бюро немецкого фонда им. Г. Бёлля.

² С целью изучения восприятия города у поколения, не видевшего спитакского землетрясения 1988 г., в старших классах трех школ: 4-й, 10-й (в Гюмри) и 1-й (в Ахуряне) — в 2006 г. были проведены сочинения на тему «Что я знаю о землетрясении 1988 года?». Тем же школьникам было предложено домашнее задание с помощью родителей написать сочинение на близкую тему «Что случилось 7 декабря 1988 года?» с целью выявления различий между памятью о землетрясении у очевидцев и у поколения, родившегося после трагедии. Пользуясь возможностью, хочу выразить благодарность дирекции и преподавательскому составу указанных школ за содействие в проведении исследования.

ный текст об этом событии. Очевидно, что из этих двух типов памяти коммуникативная более эмоциональна и нацелена на передачу, трансляцию травмы, переживаний следующим поколениям. По мнению одной из гюмрийских учениц, в данном случае время не лечит, а, наоборот, заостряет ощущение боли: «Боль усиливается, когда рана остывает» [ПЭМ 2006, Гюмри]. Но это не исключает и определенной гибкости коммуникативной памяти: она более податлива воздействиям и изменениям, это память «мягкая» [Эткинд 2006].

Память культурная, наоборот, старается по возможности «охладить» событие, придав ему статус «исторического факта» (в значении максимального отстранения от настоящего), который не способен или мало приспособлен к вариациям, а потому эта память может быть названа «твердой» [Там же]. Процесс канонизации часто сопровождается буквально отвердеванием памяти — установкой памятников и созданием официальных текстов (например, учебников).

Итак, наша задача — проследить, каким образом происходит отвердевание памяти о землетрясении, какие элементы из «мягкой памяти» переходят в состояние «твердой памяти».

Память травмы несколько отличается от более общих проблем антропологии памяти, здесь, видимо, нужно говорить не столько о проблеме запоминания, сколько о поисках путей забвения. Память и травма — особая тема, которая в научной литературе рассматривается чаще на примерах геноцидов, войн, депортаций и репрессий. По словам Харальда Вельцера, с понятием травмы произошло то же, что и с понятиями «идентичность» и «коллективная память», а именно: «Никто уже не знал, что конкретно они означают, но употребляться они стали повсеместно, так что можно было прилагать их к чему угодно» [Вельцер 2005]. В конечном счете, можно говорить лишь о политике памяти, но в случае памяти о землетрясении мы имеем феномен, отличающийся от памяти об исторических событиях. Последняя отличается тем, что «сильно зависит от того, каким образом это воспоминание используется в настоящем. Будет ли то или иное событие вообще истолковано как травмирующее, зависит порой не столько от самого события, сколько от того, какое значение ему будет придано впоследствии, задним числом» [Там же].

Исследования памяти на ранних этапах после травмирования интересны не только тем, что позволяют более или менее точно зафиксировать эмоционально-психологические последствия происшедшего, но и тем, что ставят прогностическую задачу определить, что из имеющегося арсенала перейдет

в основной банк памяти группы и по каким причинам. В случае землетрясения память теряет остроту политического контекста, более заметно ее социально-консолидационное значение (ср. «друзья по несчастью», «друг познается в беде» и др.). Поэтому в данном случае мы имеем дело с более нейтральным примером коллективной памяти, на котором интересно рассмотреть соотношение ее составляющих.

В качестве полевых материалов для исследования, помимо указанных школьных сочинений, послужили интервью с жителями как старой части города, так и новых микрорайонов, экспертные интервью с архитекторами, строителями, скульпторами и художниками. Большая часть наших информантов постоянно проживает в Гюмри, но некоторые из них, будучи жителями этого города на момент землетрясения, впоследствии уехали в Ереван или за границу. Особое место занимают материалы (интервью, публикации, экспонаты), связанные с Гюмрийским биеннале — международным фестивалем концептуального искусства, проводимым раз в два года с 1998 г.

Память о геноциде и мемориализация землетрясения

Рассмотрим дискурс о том, «стоит ли вообще помнить» спитакское землетрясение и каким образом проблема его запоминания курсирует между «социальным» и «индивидуальным» фактами.

Для этого важно понять, в каком контексте, в сравнении с какими фактами коллективная/индивидуальная память пытается осмыслить это стихийное бедствие. Во многих официальных текстах первая ассоциация, которую вызывает землетрясение 1988 г., — это геноцид армян 1915 г. в Турции. Одним из авторов проекта огромного по масштабам памятника жертвам землетрясения в Гюмри является архитектор С. Калашян, совместно с А. Тарханяном спроектировавший знаменитый мемориальный комплекс в память жертв геноцида в Ереване (рис. 1). С. Калашян в момент землетрясения работал главным архитектором Ленинакана, бедствие застало его в рабочем кабинете в здании горсовета [ПЭМ 2006, Ереван]. Новый мемориальный комплекс, представляющий собой две разошедшиеся геологические плиты, образующие расщелину, в котором должен разместиться музей землетрясения¹, имеет схожую с ереванским мемориалом конструкцию: он состоит из «тропы

---

¹ Концепцией этого музея, по словам архитектора, должна быть статья тема «Уроки землетрясения». Подобный музей уже работает в Спитаке — в эпицентре землетрясения.

для паломников» и самого комплекса (который с верхней перспективы читается как крест) (рис. 2).

Автор утверждает, что он не сторонник формирования нового поминального ритуала наподобие всенародного паломничества 24 апреля — дня памяти жертв геноцида, когда у вечного огня, установленного в мемориальном комплексе, многотысячный людской поток возлагает цветы. Именно чтобы избежать оформления нового церемониала авторы не включили в комплекс Вечный огонь и не предусмотрели мест для цветов. «Мы не хотели сделать так, чтобы сложился подобный ритуал, решили, что это [т.е. землетрясение. — Г.Ш.] более личное и не стоит из этого делать всенародной трагедии, а представить его как “эпизод”» [ПЭМ 2006, Ереван]. В то же время авторы выделили специальные места для свечей, не подозревая, что тем самым лишь подменяют один ритуал (возложение цветов) на другой (зажигание свечей).

Пока вырыт лишь котлован памятника и нет финансирования на завершение памятника¹, который предполагалось возвести за счет общественных пожертвований. По такой модели строился ереванский мемориал, во время воздвижения которого активное содействие оказали студенты и добровольцы, съехавшиеся со всей Армении для непосредственного участия в стройке [ПЭМ 2006, Ереван], воспринимая это как причастие, «долг перед жертвами», «акт национальной солидарности».

Итак, мемориализация землетрясения начинает ориентироваться на уже существующую модель «вспоминания» (коммеморации [Нора 1999: 95–148]) геноцида². Однако именно в сравнении с геноцидом возникают сомнения по поводу необходимости запоминания стихийного бедствия. Память о геноциде часто рассматривается в контексте восстановления исторической справедливости [Марутян 2006б: 84–85], тогда как в случае землетрясения вопрос о морали «события», как правило, не поднимается³. Поэтому происходит некая рационализация памяти, как индивидуальной, так и коллективной, и память о землетрясении выделяет в основном «уроки» трагедии.

¹ Положение осложняется еще и тем, что на территории, где должен быть установлен мемориал, все еще находятся домики — временное жилье пострадавших от землетрясения.

² Об этом подробнее см. главу «Землетрясение: конец или начало?» в отчете исследования «“Ленинкан ушел, Гюмри остался”: образы города до и после землетрясения», сделанного в рамках программы Южно-кавказского регионального бюро немецкого фонда им. Г. Бёлля на Южном Кавказе в 2006 г.

³ Показательно, что в средневековой Армении сходные бедствия считались возмездием за собственные грехи. См. доклад А. Саакяна «Восприятие землетрясения в средневековой Армении» на конференции, посвященной пятой годовщине землетрясения 1988 г. (Ереван, 1993). О восприятии землетрясения 1988 г. в контексте вины и наказания см. [Abrahamian 2006: 159].

В случае индивидуальной памяти рационализация приводит не к дидактической наглядности, а скорее к забвению. Так, Завен Коштоян, скульптор памятника в Гюмри (к нему официальные лица до 2007 г. включительно возлагали венки в день годовщины землетрясения¹), против проекта большого памятника именно потому, что эту трагедию нельзя сравнивать с геноцидом: «В конце концов, это было все же природное бедствие» [ПЭМ 2006, Гюмри]. На это событие пытается рационально смотреть один из школьников, отметивший, что «землетрясение принесло много несчастья, но нельзя забывать о том, что это явление природы, которое происходит во многих местах, и никто в конечном счете от него не застрахован» [ПЭМ 2006, Гюмри], и потому к этому факту надо относиться более спокойно. А намеки преподавателя истории относительно того, что спитакское землетрясение могло иметь иную этиологию, связанную с вмешательством человека, он считает неоправданными.

Факты, «охлаждающие» и «подогревающие» память о землетрясении

Дискуссии о возможности искусственного происхождения землетрясения были широко распространены в первые годы после трагедии [Сафарян, Пирузян 2002: 72–74], да и сейчас почти в каждом втором интервью звучали сомнения относительно исключительно естественных причин спитакского землетрясения. Некоторые пытаются найти компромиссный вариант: землетрясение было слабой силы, а подорвавшийся (по одной версии — случайно, по другой — намеренно) военный арсенал близ Спитака резонировал толчки [Там же; ПЭМ 2006, Гюмри]. Но интересно, что эти «подозрения» не имеют особого эмоционального накала и находятся в несколько притупленном состоянии. Возможно, этому способствуют не только ровные отношения с Россией (воспринимаемой как правопреемник СССР), но и то, что ни разу в официальных выступлениях (насколько нам известно) этой версии не прозвучало.

Между тем официальный дискурс выражает другие сомнения, например по поводу статистики жертв землетрясения. Прямых обвинений в том, что советские власти скрыли истинные масштабы катастрофы, нет. Более того, освещение в СМИ событий

---

¹ В 2008 г. на 20-ю годовщину землетрясения на месте этого памятника установили новый мемориальный комплекс, сделанный на средства в основном армянской диаспоры России, инициатором этого проекта выступил Н.И. Рыжков, а этот памятник переместили на прицерковную площадь в новом микрорайоне Гюмри, в 58-й квартал.

из зоны бедствия считалось беспрецедентным в истории советской гласности, но любое упоминание количества погибших до сих сопровождается обязательной ссылкой на «официальные данные». Эти «данные» в разных источниках варьируют между двадцатью пятью и двадцатью шестью тысячами погибших. Статистика других потерь также имеет свои неточности (например, по одним источникам без жилья остались 530 000, по другим — 514 000), но нигде они не звучат с оттенками сомнения или условности. Подобные примеры хорошо иллюстрируют потенциал публично сенситивного и «способного к изменениям» предмета памяти в одном случае и более стабильных («твердых») данных в силу их общественной индифферентности — в другом.

Актуализацию «статистических описаний» землетрясения можно считать одной из попыток «охлаждения» памяти, когда эмоциональные подробности сменяются «голыми» цифрами, лишенными возбуждающей способности «горячей» памяти. Но не все цифры так «беспристрастны». Некоторые статистические данные (например, относительно инвалидов), звучавшие в первые годы после землетрясения [Балаян 1989: 166], сегодня исключены из дискурса. Действительно, натурализация подобных цифр переводит их из области «исторического» факта (в смысле не имеющего продолжения в настоящем) в область нерешенных социальных проблем, делая фактами «горячими». Итак, даже «голые цифры» или «холодную статистику» можно распределить по шкале «потепления» или «охлаждения».

Другой формой «охлаждения» или трансформации травматической памяти является акцентирование позитивных событий тех дней. Такой благодатной темой в культурной памяти становится тема помощи мирового сообщества пострадавшим от землетрясения. Эти события излагаются в основном в виде тех же «голых фактов», адаптированных для школьного курса истории: статистики помощи (сколько стран и международных организаций предоставили гуманитарную помощь), имен первых лиц государств, посетивших зону бедствия в первые же после трагедии дни и т.д.

«Остывание» индивидуальной памяти не только происходит более медленно. В каждом конкретном случае оно имеет свои особенности. Люди стараются подавить эти воспоминания, а иногда и воздействовать на культурную память. Например, по словам директора программ гюмрийской телестудии «Цайг», руководством телевидения в 1998 г. было принято решение больше не показывать кадров с разрушающимися зданиями и руинами, поскольку именно с такими многочисленными

просьбами на телестудию звонили телезрители. Во время полевой работы особое впечатление произвел один из примеров «преодоления» памяти о погибших родных, напомнивший разрешение проблемы памяти об армянском геноциде в польской пьесе «Лунное чудовище» (Р. Калиновски):

— *Забить [землетрясение] тоже неверно, да и невозможно. Сколько ни тверди: «забуди», — все равно не забудется. Полки моей сестры [погибшей во время землетрясения], пока мама была жива, так и хранила, а я совсем недавно их поменяла. У нее были свои полки, одна — для книг, другая — в гардеробе для одежды, еще одна — для ее обуви, в другой — лежали ее чертежные принадлежности, она училась в политехническом институте [где и погибла], там лежали ее учебные детали. И все хранилось как в музее, никто не смел трогать. Мама открывала, все протирала и снова клала на места в том же порядке. И я также — после мамы. И потом, однажды утром, я проснулась и все поменяла, вытащила... Я не говорю, что я ее забыла, я сказала, что мои дети учатся в той же комнате, работают там же, а я им все время твердила: не трогайте, не смей прикасаться, это вещи Армине [имя погибшей сестры]. А теперь думаю, почему? Пусть трогают, пусть пользуются, сейчас сама говорю: «На, возьми, это парфюмерия тети Армине, пользуйся и помни». А то [тогда говорили], это ее бумажник, это ее, все ее... Так нельзя.*

— *Через сколько лет смогла это сделать?*

— *Четыре-пять лет тому назад. Лет десять точно все это так хранилось: тетради, книги. До сих пор я храню ее школьные сочинения. Как раз на днях достала их, прочитала и снова заплакала. Она «Осень» написала, ох, как же это было красиво. Нынешние дети не могут так красиво писать. Не могу даже сказать, насколько печальную и красивую осень она описала. Я это храню, но тоже даю детям, говорю, читайте, пользуйтесь. Все ее вещи, блокноты, другие вещи — все хранится, но не демонстративно, у каждого из нас есть ее какая-нибудь вещь. Убрала ее одежду, обувь наверх. Даже в случае нужды, думаю, могу достать, переделать и оденем, а что с того? Я не хочу больше оставлять все так, как это делала мама. Мама смотрела, смотрела на стоящий в комнате портрет сестры, и у нее случился инфаркт. Только и сказала «ах» и схватилась за сердце... Хорошо, что свекровь моя была у нас, помогла... Теперь я все убрала, портретов больше нет. Раньше, когда входили к нам домой, тут же попадали в окружение больших портретов: мамы, папы, сестры... Я этим не хочу сказать, что я забыла их, но я не могла каждую минуту... И потом уже были мои дети, их ведь тоже жалко, в конце*

концов, это же не дом траура. Спрятала, убрала, спрятала... Не хочу, чтобы портреты были большие, давящие. Сейчас фотографии мамы и папы висят во внутренней комнате, но это фотографии их молодости [ПЭМ 2006, Гюмри].

Так же, как и в пьесе, носители тяжелых воспоминаний стараются избавиться от «вещей памяти», разрушить музей, в котором они хранятся и не дают жить дальше. Так или иначе, в каждом случае «жертвы памяти» приходят к идее, что для дальнейшей жизни им нужно избавиться от «насилия памяти» (ее отвердевания, физического повседневного присутствия, музейной статичности), при этом не отказываясь помнить в целом или оттеснив власть памяти до рамок одного памятного дня — годовщины смерти. Здесь очевидна попытка трансформировать «твердую» память в «мягкую».

Память о времени землетрясения

Любая форма памяти, как индивидуальная, так и коллективная, функционирует в пространственно-временном континууме, по-своему отбирая «точки кристаллизации» [Асман 2004: 39].

Время становится важнейшим элементом памяти о землетрясении не только потому, что стихийное бедствие произошло в точно зафиксированный момент, закрепивший в памяти эту дату, но и потому, что оно положило начало новому этапу жизни, иной действительности, отмеряемой от этого мига:

Если бы не было землетрясения, эти социально-экономические изменения все равно произошли бы, наверное. Мы пошли по пути капитализма и должны были пройти через этот процесс. Но землетрясение стало краеугольным камнем, особым рубежом, который поделил время на «до» землетрясения и «после» землетрясения. Не было бы землетрясения, нашли бы другой поворотный пункт, другую дату, говорили бы после 1987-го или 1989-го года. Но на деле поворотным стал именно 1988-й. Что мы видели после него? Ничего. После 1988-го был энергетический кризис, стало плохо с хлебом, все беды начались после 1988-го, до 1988-го проблем не было [ПЭМ 2006, Гюмри].

Интересно, что во время того же интервью и многих подобных более подробные расспросы и детальные реконструкции быта и благосостояния показали, что информанты вполне способны вспомнить, что энергетический кризис и проблемы с хлебом и другими продуктами начались с 1991 г. и дошли до своего пика в 1992–1993 гг. Однако даже в Ереване восприятие 1988 г.

было особым, и здесь его «поворотное» значение было связано больше с многотысячными митингами по поводу воссоединения с Нагорно-Карабахской автономной областью, чем с землетрясением.

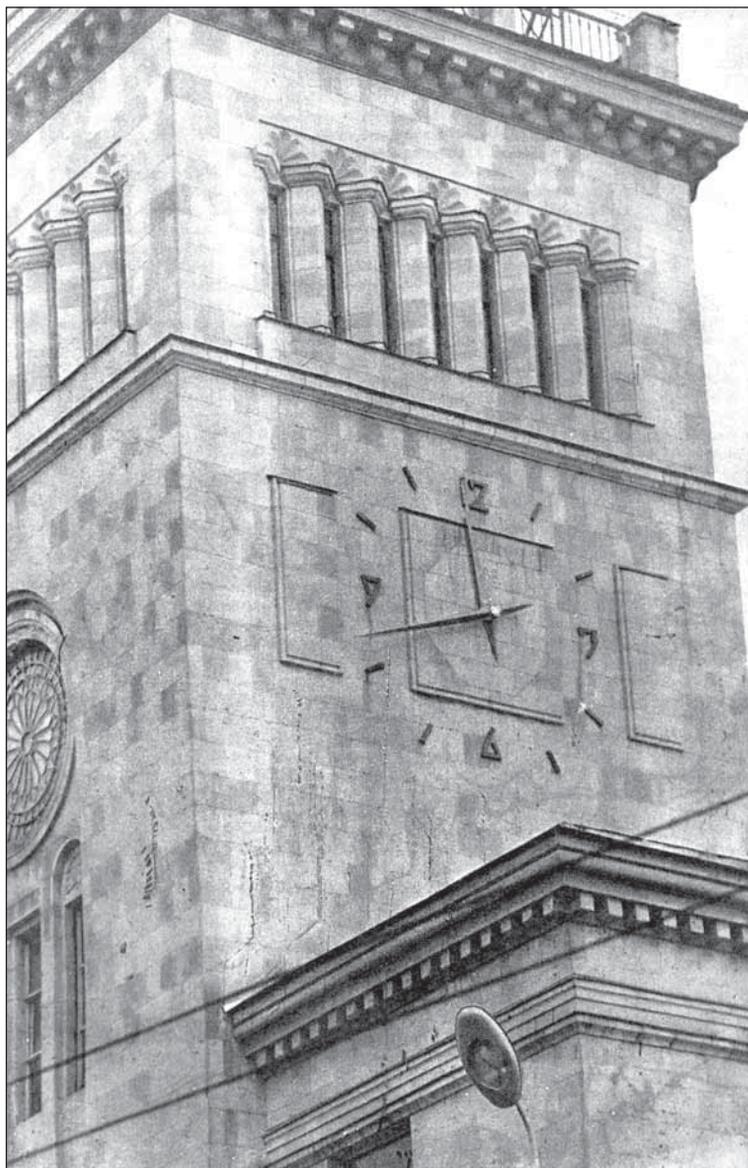
Так что, все изменилось после землетрясения, смотри, я опять сказала «после землетрясения», все равно я всегда считала 1988-й поворотным, и постоянно в любой беседе мы делаем ссылку: «до землетрясения это было не так», или «это было после землетрясения». Опять же отмечаю, может, если бы не было землетрясения, то таким поворотом стало бы что-то другое и говорили бы: «до» и «после» этого другого события, но в нашем случае именно землетрясение стало этим событием, рубежом. Огромным рубежом во всем. Мои соседки даже смеются, когда я вытаскиваю рецепты, наши старые дорогостоящие рецепты «до землетрясения». Мы тогда даже не знали, что такое маргарин, валялся в магазине, никто не брал. Кнам из Тбилиси приезжали покупать, а мы все готовили на масле. А после землетрясения все перешли на маргарин или полстакана растительного масла и вместо яйца — ложку водки и т.д. (смеется). Теперь у меня разделены даже эти рецепты, которые я у себя храню, рецепты «до» землетрясения и «после» [ПЭМ 2006, Гюмри].

«11.41». Более точный рубеж памяти — 11.41 седьмого декабря 1988 г. С каждым годом момент (начало) землетрясения приобретает все большую значимость. В символике этой трагедии особое место занимает циферблат с указанием 11.41. Такой циферблат часов на стене текстильного комбината, расположенного на центральной площади им. Ленина (переименованной в площадь Независимости), с остановленным на момент землетрясения временем бросался в глаза. Речь идет о часах, установленных здесь в 1966 г., которые играли городской гимн «Гюмри-Ленинакан» В. Баляна [Варданян 2006: 251]¹.

Главные часы города остановились из-за повреждения механизма во время землетрясения и стали восприниматься как некий символ бедствия² (рис. 1). Интересно, что с появлением часов в быту армян в случае смерти члена семьи обычно останавливали настенные часы, фиксируя момент смерти. Для многих, потерявших родных, кров, момент, когда случилось землетрясение, отмечал условную остановку времени в смысле

¹ См. также интервью с часовщиком Варпетом Ладиком (Николай Есаевич Мацакян) [ПЭМ 2006, Гюмри].

² Ср.: «Часы в Ленинакане остановились в 11 часов 41 минуту. Остановились как знак большой беды» [Саркисян, Хатунцев 1990: 73].

*Рис. 1. Остановившиеся часы на городской площади им. В.И. Ленина, декабрь 1988 г.
(Снимок перепечатан из книги: Армения. Декабрь '88. Ереван, 1990)*

протекания нормальной жизни или жизни вообще¹. Даже сегодня в сочинениях школьников, родившихся после землетря-

¹ «На перекрестке рядом с разрушенным домом висят большие часы. Они остановились в 11 часов 41 минуту по местному времени. С этого мгновения пошел другой отсчет секунд, часов и дней. До трагедии и после» [Микушин 1997].

сения, его описание сопровождается характеристикой «время на какой-то момент остановилось» [ПЭМ 2006, Гюмри].

Посетившие Гюмри иностранные участники Гюмрийского фестиваля авангардного искусства в 2004 г. были потрясены стелой, на которой была выведена огромными цифрами одна дата — 1984¹. Стела стояла недалеко от памятника В.И. Ленину. У участников фестиваля тут же возникли ассоциации с романом «1984» Дж. Оруэлла², в котором «история остановилась. Есть лишь вечное настоящее, в котором партия всегда права» (цит. по: [Ассман 2004: 77]). Гости фестиваля с организаторами оказались на небольшом пятачке Лениакана, где время действительно остановилось, но не там, где застала его стихия, а чуть раньше — в благополучном Лениакане, до-декабрьском.

Итак, дата и время, когда случилось бедствие, стали постоянными составляющими дискурса спитакского землетрясения. Практически не было ни одного школьного сочинения, где время не было бы отмечено:

Из чисел я ненавижу семь,
Средь месяцев — декабрь.
Из дней недели не люблю сред,
И рождение гор — в природе.
А в погоде не терплю туман,
Из времени — тот час зловещий,
Что называют «черный час»,
Одиннадцать сорок один — час смерти!³

Интересно, что в сочинениях, написанных в классе, многие школьники момент землетрясения указывали 11.40, в то время как в домашних сочинениях, написанных с помощью родителей (свидетелей землетрясения), оно уже отмечается более точно — 11.41. Можно сказать, что в некоторых случаях разница между очевидцами землетрясения и родившимися после него сводится к определению точности момента до одной минуты.

Впрочем, не для всех. На трех городских кладбищах могильные плиты жертв землетрясения отмечены циферблатом, указывающим момент землетрясения или по крайней мере дату, в то вре-

---

¹ Стела была установлена в честь 60-летия переименования Лениакана и по этому поводу при-суждения ему ордена Дружбы народов. На нижней части упомянутой стелы высечены строчки из письма Иваново-Вознесенских рабочих, подаривших в 1922 г. текстильные станки, ставшие базой для текстильной промышленности тогда еще Александрополя: «Дорогие братья армяне! Примите наш скромный подарок и пусть он будет вкладом в расцвет вашей отечественной текстильной промышленности».

² Из интервью с В. Пахлавуни-Тадевосяном [ПЭМ 2006, Гюмри].

³ Из домашнего сочинения ученицы девятого класса 10-й школы Степанян Луизы [ПЭМ 2006, Гюмри].

мя как на других плитах обычно принято указывать лишь год смерти. Здесь почти с равной частотой попадаются циферблаты с указанием как 11.40, так и 11.41. На смещение с 11.41 к 11.40 скорее всего оказала влияние бытовая привычка «округлять» время.

На городских памятниках, посвященных жертвам землетрясения (вплоть до памятников, установленных в частных дворах), также обязательно изображается циферблат со стрелками на 11.41. Можно сказать, что время землетрясения (с колебанием в 1 минуту: 11.40/11.41) стало обязательным составляющим «твердой памяти».

Память о длительности землетрясения. В указании длительности землетрясения отразилось особое восприятие чисел. Так, длительность чаще сводится к 40 сек., на что, по всей видимости, повлияла семантическая нагруженность этого числа¹, одновременно означающего «много», круглое число, законченный временной цикл (ср. ритуальные карантинные: 40 поминальных траурных дней после похорон, сороковины для новорожденных и новобрачных и т.п.). В официальных запросах и выступлениях длительность землетрясения чаще округляли до «одной минуты»². Это, конечно, символическая минута, которая драматизируется в смысле единицы «быстротечности» и временного рубежа от сиюминутности до вечности. В сочинении одного восьмиклассника 11.40 и 11.41 противопоставлены как два времени: время счастья и время беды — разница между которыми — единица, одна насечка на циферблате.

*1988 год, 7 декабря, время 11.40, Ленинанкан все еще полный жизни город остряков. 11.41 тот же город — уже холм руин. Всего лишь спустя минуту. Страшную минуту*³.

Я как человек, переживший спитакское землетрясение в Ленинанкане, помню, что оно казалось очень долгим: мне оно показалась вечностью. И все же если попытаться вспомнить, что я успела передумать, ухватившись за перекладину дверей учительской, то на вопрос, сколько длилось землетрясение, я бы ответила: не меньше трех минут.

Сгущенным рефреном «одной минуты» являются «полминуты» (30 секунд)⁴, которые встречаются чаще остальных вариан-

¹ О числе «сорок» см. [Абрамян, Айрапетян, Аракелян, Гулян 1981–1984: 4–14].

² Ср., например, вопрос корреспондента «Литературной газеты» во время пресс-конференции в Ереване 19 декабря 1988 г.: «В течение *одной минуты* почти 400 сел Армении пострадали, а 58 погибли полностью. Будут ли восстановлены все эти села?» [Пресс-конференция 1990: 62]. Указание, что землетрясение длилось 1 минуту, часто встречается в школьных сочинениях.

³ Из сочинения восьмиклассника Хачатряна Эдуарда, 10-я средняя школа [ПЭМ 2006, Гюмри].

⁴ Ср. например: «В 1988 г. в Армении подземные толчки силой *до семи баллов* по шкале Рихтера за *30 секунд* практически уничтожили город Спитак, разрушили Ленинанкан (ныне Гюмри), Степанаван,

тов и, видимо, могут претендовать на наиболее точную длительность толчков, на деле происходивших с некоторыми интервалами, паузами в доли секунд и потому с трудом подававшихся точной фиксации. Встречается упоминание длительности землетрясения даже в семь секунд¹. Здесь возможно наложение восприятия символически значимого числа 7 с датой землетрясения (седьмое декабря).

Ритуализация времени землетрясения. Для тех, кто потерял родных, этот момент является наиболее ритуализованным. В 11.40–11.41 многие родственники погибших до сих пор стараются быть на могиле своих близких². В этом ритуале принимают участие и дети, рожденные после землетрясения. Поэтому для многих из них значимость этого момента обусловлена собственным ритуальным опытом:

Моя сестра погибла, и каждый год седьмого декабря именно в тот час я должна быть на кладбище, и если я опоздаю хотя бы на минуту, я себе этого не прошу, я должна быть там ровно без двадцати двенадцать. Не знаю, почему я вбила себе в голову это правило: без двадцати двенадцать я должна быть там. Умоих свояков есть машины, и они тоже едут, но я их не жду. Если мой муж в этот день бывает здесь, то мы идем вместе, добираемся на автобусе, а если нет, то я иду с дочкой. Я должна быть спокойна в эту минуту, я должна быть первой, кто возложит цветы на ее могилу. Сестры тоже приходят, каждая со своей семьей, в свое время. Я должна быть там именно в этот момент, и когда сестры подходят, я их уже там встречаю. Потому что у них есть семья мужа, свекр, свекровь... Они бы тоже хотели быть там именно в это время, но они могут прийти, когда освободятся. А я сам себе хозяин. Я утром просыпаюсь уже с той мыслью, что должна добраться до кладбища. А у них есть семьи, где надо успеть закончить дела, но они в любом случае должны быть там. Очень много людей бывает на кладбище именно в это время. Мне кажется, что если в этот момент меня там не будет, то я себе не прошу. Не знаю, тот факт, что именно в это вре-

---

Кировакан (ныне Ванадзор)» <www.mpa.ru/cis/new.php?id=30036> (14.07.06). Пресс-релиз за 7 декабря 2004 г.: «16 лет назад, 7 декабря 1988 г. в Армении, в городах Спитак и Ленинакан, случилось страшное землетрясение, в результате которого за 30 секунд погибло более 25 тысяч человек, около 100 тысяч получили ранения и увечья» <www.rossel.ru/archive/20041207/1/> (12.07.06).

¹ «Около 12 часов дня, за пять минут до окончания уроков в школах, последовал удар, который длился всего лишь 7 с половиной секунд» <www.gtk.yaroslavl.ru/cgi-bin/m_news.cgi?year> (14.06.06).

² Некоторые в течение последующих после землетрясения 7–8 лет встречали новый год на кладбище — у могил погибших родных. Особенно часто это происходило в случае потери детей. Родители здесь отмечали не только все праздничные дни, но и проводили там ночь, были даже просьбы установить домик для проживания около могилы [Гулян 2001: 79–82].

меня там, что в этот момент я с ней, меня как-то успокаивает, не знаю [ПЭМ 2006, Гюмри].

Власти тоже вовлечены в ритуализацию «11.41». В это время президент¹ страны, другие представители власти и оппозиции стараются быть в Гюмри с целью возложения венков у центрального памятника землетрясению (мать с ребенком, защемленные между двумя плитами)² и присутствовать во время поминальной службы. Одновременно делаются попытки сбить драматизм «11.41». Так, в 2006 г., в день 18-летней годовщины землетрясения, именно на 11.41 было назначено открытие Центра Спасательной службы для чрезвычайных ситуаций. Точное совпадение времени должно было символизировать не только причинно-следственную связь этих событий (опыт землетрясения и осознание необходимости подобного центра), но и готовность к подобным трагедиям, соответственно минимизацию их возможных последствий.

Мемориализация «звука» землетрясения

В январе 1992 г. по проекту архитектора Р. Егояна часы на центральной площади города были перестроены. Несколько изменен циферблат, механизм починил мастер Ладик (Н.Е. Мацакян), и часы снова были запущены, что одновременно было воспринято как символ того, что «жизнь продолжается»³. В новых часах не были восстановлены лишь музыкальные куранты, «отстукивающие» ритм жизни города (их ремонт требовал больших средств).

Во многих ритуалах время выражается звуком⁴. В некоторых случаях традиционная культура может выработать и закрепить за такими моментами определенный музыкальный код⁵.

¹ Отношение Р. Кочаряна к Гюмри было особым. С его именем принято связывать новый темп восстановительных работ и застройки. В то же время многие мои информанты считали, что действия первого лица страны больше исходили из интересов заполучить необходимый электорат на выборах и во многом носили декларативный, символический характер. В этом смысле интересна статистика застройки нового Гюмри, согласно которой за 1993–1998 гг. было построено 3627 квартир, а с 2000 г. до 2006 г., за период «вмешательства Кочаряна», — всего 2531 квартира. Но массмедиа и власти, не называя цифр, утверждают, что до вмешательства Кочаряна строительства в городе не было. И даже когда озвучивались цифры, все равно они подытоживались в пользу Кочаряна. Ср. репортаж гюмрийской информационной программы «Аздарар» телевидения «Цайг» (7.12.06).

² Мы уже упоминали, что этот памятник переместили в новый микрорайон города.

³ См. телерепортаж 7 декабря 2006 г. журналиста С. Унаняна для информационной программы «Аздарар» гюмрийской телестудии «Цайг».

⁴ Ср.: «Первое число каждого месяца называлось календы (calendae, kalendae); оно объявлялось младшим понтификом определенной магической формулой, в которой несколько раз повторялось слово calo — “я выкликаю” (от calere — выкликать), что дало название первому дню» [Златковская 1983: 31].

⁵ Как показано в работе Л. Еринджакян и Р. Пикичян, функцию музыкального сигнала, например знаменующего начало, в армянской культуре часто выполняла мелодия saharî [Еринджакян, Пикичян 1998].

7 декабря 1989 г., в день годовщины землетрясения, в 11.41 загудели все сирены автомобилей, звук которых присоединился к звонам церковных колоколов, которые, кстати, также выполняют роль звукового сигнала времени, извещая о начале и конце служб, в том числе поминальных. Поэтому неудивительно, что некоторые изображения остановившихся на знакомом времени часов сопровождались «окаменевшим» звуком изображенных здесь же колоколов (рис. II). «Главные колокола

Рис. II. Хачкар (крест-камень) с изображением Богородицы с младенцем, колоколом, с остановившимся на 11.41 циферблатом и руинами храма Аменапркич. Снимок Р. Гомцяна. 21.01.09

армянской истории, что в звоннице храма в Эчмиадзине, лишь слабо качнулись в те мгновения, когда в горах, близ Ленинакана в тектоническом напряжении сдвинулись недра. Но колоколам долго придется оплакивать жертвы одного из сильнейших землетрясений второй половины XX в. По ком звонит колокол!» [Армения 1990: 71].

Жизнь советского Ленинакана когда-то отмерял звук рабочего гудка, звучавшего шесть раз в сутки, оповещая о рабочей смене. Поэтому в инсталляции «Рубец из детства» А. Саргсяна во время Гюмрийского биеннале 1998 г. особое место занял именно этот гудок. А в перформансе «Восстановление» учеников гюмрийской художественной школы им. С. Меркурова под руководством Г. Гаспаряна на разрисованных ящиках-кубиках свое место нашли как циферблат часов, так и музыкальная труба рядом с ним. В качестве основных элементов, ассоциируемых с землетрясением, во время того же биеннале художник-концептуалист Арко (Аркадий Багдасарян) выделил движение земли, звук и знакомый циферблат.

Кроме гудка, ставшего звуковым «пульсом» города, и упомянутой песни «Гюмри-Ленинакан» на музыкальный код города может претендовать музыка Т. Мансуряна, написанная к фильму «Кусочек неба»¹. Съемки фильма проводились в старой части города, и в отдельных сценах реконструированы различные этнографические реалии досоветского Гюмри. Теперь же эта мелодия используется как звуковой фон в «ностальгических» телезарисовках Гюмри-Ленинакана. Эта ставшая устойчивым телештампом мелодия таким образом воспроизводит «виртуальную звуковую память» о городе.

Другая мелодия стала музыкальным телекодом землетрясения. Песня знаменитого французского шансонье Шарля Азнавура, посвященная Армении по поводу этой катастрофы, заняла более конкретную нишу — заполняя собой «голос» международного сообщества, поспешившего на помощь пострадавшим, как правило, озвучивая соответствующие телекадры (доставка гуманитарной помощи или строительство зданий за счет благотворительных вложений).

В отличие от многих подобных колебаний земли, которые жители Армении время от времени вынуждены переживать, свидетели землетрясения 1988 г. сначала его услышали и лишь потом почувствовали. На этот раз недра земли расходились с громким гулом, из-за чего землетрясение не сразу было идентифицировано. Такой звук стал еще одним «доказательством»

¹ В русском варианте фильм называется «Пощечина», реж. Г. Малян, 1980 г.

в пользу «теории взрыва» по поводу этиологии землетрясения¹. Этот звук землетрясения «попал» в семейные истории-рассказы, заняв достаточно стабильное место в коммуникативной памяти:

Страшная минута... Долгий завывающий гул... Гул перешел в тяжелое дрожание, и затем все отчаянно закачалось: стены, пол, мебель. Все по-страшному зашипело, треснуло и заскрипело. Каждому казалось, что земля уходит из-под ног. Не прошло и нескольких секунд, как случился второй, судьбоносный, удар. Опять зловещий гул, огромных зданий сумасшедший пляс, и... клубящиеся облака пыли, руины, руины, руины².

Об этом звуке вспоминают и в публикациях сегодняшней прессы: «Часы показывали 11 часов 41 минуту, когда страшный подземный гул обрушился на Ленинанкан, и тут же содрогнулась земля. Так начался новый отсчет времени — после землетрясения» [Аругюнян 2006].

Итак, этот «звук» землетрясения отражается как в материалах, которые можно считать примерами коммуникативной памяти, так и в документах памяти культурной, если прессу считать таковой. Пресса способствует формированию культурной памяти, но не все ее материалы могут войти в «избранное» памяти культурной, ведь пресса часто представляет зафиксированную индивидуальную память, которая может претендовать на долголетие лишь в случае многократных повторов и ссылок на нее, чего по поводу «геологического рычания» сказать нельзя. Эмоционально-чувственные переживания этой трагедии становятся привлекательной темой для СМИ, но не входят в число канонизированных. И потому память о таком звуке все же надо считать предметом коммуникативной памяти.

Второй — более тяжелый — «звук землетрясения», который вспоминается гораздо чаще, — это стоны и крики о помощи погребенных под руинами, сливающиеся с причитаниями оплакивающих. Этот тяжелый звуковой фон пытаются воспроизвести в своем проекте нового мемориала архитекторы, предусмотревшие специальную металлическую конструкцию, напоминающую орган и выполняющую для памятника одновременно две функции: техническую (подпорка для приподнятой «плиты») и символическую — завывания металлических пластин от дуновения ветра должны не «звучать музыкой, а быть беспокойным органом аккордом»³, набатом, напоминающем о беде (рис. 3).

¹ Из личного дневника. Гюмри, 1988.

² Из сочинения восьмиклассника Хачатряна Эдуарда, из 10-й средней школы [ПЭМ 2006, Гюмри].

³ Из интервью с С. Калашяном [ПЭМ 2006, Гюмри].

Преодоление памяти

Во многих интервью есть рассказы о том, как в каждой отдельной семье по-своему «выходили» из траура. Одним из таких способов было празднование 7-го декабря как нового дня рождения, поскольку свое выживание или выживание членов семьи в этот день воспринимается как чудо или второе рождение:

Мой муж с дочкой остались в лифте высотки, и когда здание рухнуло, они не поняли, что это землетрясение, им показалось, что это не выдержали тросы лифта. Муж сумел открыть плато кнопок и спасти дочь. Каждый год седьмое декабря мы отмечаем как день рождения мужа и дочери. Я считаю этот день днем второго рождения и мужа, и дочери. В первую годовщину землетрясения, когда мы были в подмосковном пансионате, получили телеграмму от моих родителей: «Поздравляем с днем рождения» [ПЭМ 2006, Гюмри].

В тех же случаях, когда настоящий день рождения человека действительно приходился на 7 декабря, его, как правило, передвигали на другой день, поскольку реальный (а не символический, имитационный) праздник все же требовал истинного веселья. Так, одна шестилетняя девочка, которая родилась в день землетрясения (7 декабря 1988 г.), без иронии спросила мать: «А торт на мой день рождения тоже будет черным?»¹.

В день землетрясения 1988 г. в Гюмри и ближайших селах было рождено 26 детей. Это число также воспринимается как символическое, поскольку перекликается с количеством погибших, по этому поводу «округлившимся» до 26 тыс. чел. Мы помним, что относительно «официальных данных» о количестве жертв существуют сомнения. Поэтому смещение «официального числа» на единицу никого не смутило, тем более что в некоторых «неофициальных» источниках указывается знакомое «круглое» число (40 тыс. и даже 60 тыс.).

Трагическое сочетание (26 рождений на 26 тыс. смертей) стало канвой передачи телестудии Нойем (ГАЛА) на 17-ю годовщину землетрясения, когда этих детей собрали вместе, чтобы торжественно вручить паспорта, сделав короткие репортажи про каждого из них. Мкртчян Саргис, родившийся за два часа до землетрясения в Артике (город недалеко от Гюмри), признается, что хотел бы родиться в другой день. Одна из его ровесниц, родившаяся сразу после землетрясения, отмечает свой день рождения в день рождения брата — шестого декабря. Мой папа,

¹ Телепередача «Проект Возрождение», телестудия ГАЛА (7.12.2004).

спасенный из-под развалин спустя семь часов после землетрясения, говорил моему брату, который также родился 7-го декабря (1975 г.): «Отныне мы будем вместе отмечать наши дни рождения». На деле день рождения брата обычно смещали то вперед, то назад.

Восприятие этого дня, помимо самого трагического события, зависит еще и от условий, где рождались эти дети. Например, Мирзоян Ханум, первенец своих родителей, появившаяся на свет в той же комнате, где лежал труп тети — сестры матери, вряд ли будет иметь возможность порадоваться в свой день рождения, по крайней мере в кругу семьи.

И все же в рамках этой передачи была сделана попытка представить детей, родившихся после землетрясения, как символ жизни, ее победы над смертью. Подобную попытку во время биеннале в Гюмри (1998) сделал и М. Багдасарян, когда представил перформанс с демонстрацией фотографий детей, рожденных после землетрясения.

Живым символом стали и дети, родившиеся после злополучного дня в семьях, потерявших детей во время землетрясения. Получив в наследство имена погибших¹, эти дети вынуждены отчасти заменить трагически погибших носителей своих имен. Судьба, воспитание, повседневность этих детей отличаются от жизни обычных, не отягощенных наследством «быть живой памятью».

Дети, родившиеся после землетрясения и нареченные именами погибших родственников, нередко ощущали драматизм своего рождения и по другому поводу. Многие из них — это поздние дети тех родителей, которые во время землетрясения потеряли уже сравнительно взрослых детей. Последовавшие за землетрясением годы отличались демографическим взрывом, рожали женщины, которым было даже за сорок. Среди учеников, писавших сочинения о землетрясении, было немало таких детей, осознающих «необычность» своего происхождения:

Я еще не родилась, когда случилось землетрясение 1988 года, и не родилась бы вообще, если бы жертвой этого бедствия не стали мои брат и сестра... Мои родители более пожилые по сравнению с родителями моих сверстников. Раньше я от этого плохо себя чувствовала, а сейчас, когда я уже взрослая... Отец полностью поседел. Часто задаю себе вопрос: почему именно со мной должно было все это случиться? Но я должна жить и содержать своих родителей, чтобы они не чувствовали по-

---

¹ Об имянаречении после землетрясения 1988 г. см. [Маргарян 2000].

терю их горячо любимого Аршака [Из школьных сочинений; ПЭМ 2006, Гюмри].

В Гюмри есть своя специфика, которая связана с землетрясением. Я не могу сказать, что эти дети [родившиеся в семьях, где были жертвы. — Г.Ш.] избалованы, хотя их балуют, в то же время их всех отличает особая грусть, стоит взглянуть им в глаза, и ты сразу поймешь, что это ребенок из семьи, где были жертвы. Они отличаются, очень отличаются. Уже хотя бы тем, что у этих детей очень взрослые, иногда просто пожилые родители. Дети закомплексованы этим фактом. А ведь многие родители таких детей — это те, кто потерял своих во время землетрясения, и эти ребята рождены, не хочу сказать взамен или вместо погибших, но часто именно так и получается [Учитель 10-й школы; ПЭМ 2006, Гюмри].

Подобное отношение имеет специфику в случае детей — носителей имен погибших¹. Они оказываются в несколько иной — параллельной — реальности, где нарушена автономность их жизни, они служат постоянным напоминанием о прерванной жизни. По мнению многих информантов, «дети-память» отличаются общей характеристикой, выделяющей их среди остальных:

— Их имена — это имена погибших: дяди, тети, дедушки, бабушки, которых больше нет. У меня было много таких учеников. И к этим детям в семье относятся по-особому, их действительно холят и лелеют. Такое ощущение, что эти матери, потерявшие своего ребенка, дали ему второе рождение. Скажем, бабушка, потерявшая дочь или сына, этими именами нарекает внуков. На такого ребенка она смотрит как на свет своих очей, и этого ребенка она немного балует. И это поколение, носящее имена погибших, это поколение избалованных детей. Почему? Потому что они — свет всей семьи. Что бы они ни делали, никто не смеет тронуть и пальцем, потому что они вместо потерянного человека. Таких случаев очень много.

— Учителя считаются с этим?

— Я считаюсь. Потому что я сама потеряла сестру. Мою старшую дочь [которая также родилась после землетрясения] назвали именем матери свекрови, а младшую назвали именем моей погибшей во время землетрясения сестры. И я к ней отношусь иначе. Сестре было 18 лет, она была взрослым ребен-

¹ Ср.: «Но имя может жить не только в материальных памятниках, достаточно и простого звука голоса. “Человек живет, пока называют его имя” — говорит египетская пословица» [Ассман 2004: 66].

ком, и мы ее потеряли. И эту мою дочку выхаживали мои мама и тетя [сестра матери]. И чтобы она ни делала, на все она только и слышала: «Армен джан». Мы сестру называли Арменом, ее на самом деле звали Армине, но мы называли Армен [мужским вариантом имени Армине]. И теперь эту мою дочь мы также называем Арменом. И чтобы она ни делала, к ней будет иное отношение. Потому что она — вместо моей дорогой Армине. Поэтому я понимаю этих детей. Какие бы они ни были, будь они двоечники или кто угодно, я знаю, что этот ребенок — цветок, украшение, сокровище их семьи. Никак не смеешь ему что-то сказать. Так, у меня одна Анна была, которую называли вместо ее тети [сестры отца], и наша коллега, которая их соседка, рассказала, что вся комната до сих пор в таком же виде, какой была при жизни этой тети. И теперь, что бы этот ребенок ни сделал дома, вся семья ее боготворит.

— Не опасно ли такое отношение для самих детей?

— Да, я это тоже чувствую, но я все равно принимаю такую ситуацию, я не могу игнорировать этот факт. Иногда я тоже отмечаю, что нехорошо, что дети растут избалованными, но в тот же момент понимаю, что они — единственное утешение этих людей. И потом, я думаю, это еще и от чувства вины перед погибшими. Я сама была очень строга к старшей дочери. А теперь тоже сожалею. Я была очень строга, намного строже, чем к младшей [Учитель средней школы им. Анания Ширакаци; ПЭМ 2006, Гюмри].

Родители, потерявшие детей, несколько болезненно любят тех, которые родились после землетрясения. Они стали более снисходительны. Вообще традиционное гюмрийское воспитание всегда отличалось строгостью, гюмрийцы всегда были очень консервативны и традиционны. А сейчас такое ощущение, что в человеческой психологии сформировалась отношение попустительству типа «да ладно, ребенок же, пусть делает [что хочет]». Здесь всегда было очень строгое отношение к детям, они подчинялись жестким правилам. Понятия «можно» и «нельзя» были строго разграничены, и «нельзя» было настоящим табу. Сейчас понятия «нельзя» не существует, как будто детям стало все «можно», особенно в тех семьях, где есть жертвы. Все те упущения, какие у родителей были по отношению к погибшим, скажем, их затирали, притесняли, не разрешали чего-то делать, сейчас хотят дать себе этот шанс «разрешить». И сформировалось отношение: «пускай ребенок делает [все, что хочет]» [ПЭМ 2006, Гюмри].

Не всегда потеря ребенка влечет за собой наречение нового ребенка его именем или восприятие других детей в качестве «заменителей» прежних. Иногда бывает обратная реакция. Среди моих информантов была мать, которая призналась, что не может простить ни себе, ни ребенку, родившемуся после землетрясения, смерть старших детей. То есть независимо от того, каково отношение к поколению, родившемуся после землетрясения, оно в определенной степени обусловлено памятью о погибших. Здесь становится очевидным потенциал операциональных возможностей коммуникативной памяти, которая может воздействовать, например, на воспитание детей, в данном случае чаще воспринимаемых как «второй шанс».

Памятные места

Памятные места являются одной из центральных тем дискурса культурной памяти¹. Определение и оформление этих мест одновременно является наиболее обсуждаемой проблемой и в сфере памяти коммуникативной, поскольку часто за их выбором стоят конкретные люди, осознающие, что являются «творцами истории». И наиболее важной задачей становится определение концепции той памяти, которую современники «завещают» будущим поколениям.

Руины. В случае стихийного бедствия памятные места часто отмечаются также стихийно, поскольку в отличие от исторических событий, где акторы — люди, природа сама «создает» места, попадающие в «избранное» города. Как и в случае формирования символического ландшафта, когда горы, реки, озера могут сыграть роль социально значимого объекта, некоторые руины или память о них также могут занять особое место в коллективной жизни горожан и в силу своей «памятности» предопределить новое лицо города.

Сначала был установлен памятник жертвам землетрясения, а затем рядом построили школу. Вообще наша школа стоит на месте старой. Тогда на этом месте были домики. Директор постарался, чтобы эти домики были убраны, чтобы школа была построена на своем прежнем месте. Хотели нашу школу построить в 58-м квартале, а он [директор] очень болезненно относился к тому факту, что на месте погибших, там, где пролилась их кровь, были бы, скажем, санузлы или какие-то домики. «Здесь кричали наши дети», — говорил он.

¹ О различии между «памятными местами» и «местами памяти» см.: [Нора 1999: 17–50].

И в самых разных инстанциях сумел отвоевать это место [Учительница 10-й школы; ПЭМ 2006, Гюмри].

Определение места, где погибли дети, как некоего святого пространства, обязательно отмечаемого памятником, обычно памятным *хачкаром* — крест-камнем¹, одновременно выполняющим функцию и памятника, и «надгробной плиты», можно сказать, стало общим правилом для Гюмри. Иногда в зависимости от количества детей, погибших во время землетрясения, родители устанавливали соответствующее количество декорированных источников воды либо рядом с крест-камнем, либо совмещенных с ним. Продолжая традиции, идущие еще со Средневековья, крест-камни и сегодня становятся местами паломничества или считаются священным пространством, требующим особого отношения.

Первые памятники стали спонтанно возникать на месте больших разрушений, особенно если это были общественные учреждения, в первую очередь школы. Неудивительно, что когда для строительства нового здания прокуратуры был убран мемориальный камень, установленный на месте 16-й средней школы, под развалинами которой погибло много детей, этот факт был воспринят настолько негативно, что ночные сторожа здания по ночам стали «слышать» крики детей². Почти все мои информанты рассказывали об этой истории.

Это был расщепленный камень. Я воспринимала его как символ расщепленной жизни. Теперь его убрали и на его месте построили здание прокуратуры, ведь это здание на месте 16-й школы. И говорят, что в здании прокуратуры каждый вечер слышатся голоса детей, сторожа сменяют друг друга, не выдерживая этого испытания, один даже получил психическое расстройство. Говорят, что поскольку убрали этот камень и построили прокуратуру, души не могут успокоиться [ПЭМ 2006, Гюмри].

Не случайно именно руины 16-й школы стали одним из «естественных» памятников землетрясения, вошедших в «запас твердой памяти». Вероятно, в этом не последнюю роль сыграло расположение школы, которая выходила на центральную площадь им. Ленина. Контур разрушенной школы иногда можно

¹ О значении и функциях *хачкаров* (крест-камней) в армянской культуре см.: [Петросян 2008; Petrosyan 2001: 60–69; Саакян 1994: 214–237; Саакян 1986].

² Сейчас этот камень находится во дворе 6-й средней школы, с которой 16-я и 2-я школы были объединены. Теперь во дворе этой школы стоят два мемориальных камня, на которых в день годовщины землетрясения зажигают свечи. Один камень перенесен со двора 16-й школы, а второй установлен в память жертв 6-й школы (рис. 4).

идентифицировать на могильных плитах, хотя на них, помимо часов, чаще изображаются условные руины, иногда сопровождающиеся образом сломанного дерева, ставшим символом прерванной жизни.

Среди «памятных разрушений» первое место, несомненно, занимают руины храма Всеспасителя (Аменапркич). Причина в том, что именно этот храм стал символом города, он же изображен на новом городском гербе (принят в 2001 г.). Храм, который был самым высоким сооружением в регионе, по мнению экспертов, на деле не представлял собой архитектурной ценности, поскольку был построен с конструкторскими ошибками, неизбежными для строителя-самоучки, и не был включен в список памятников архитектуры, подлежащих охране государством¹. Но его восстановление для гюмрийцев и особенно для мэра стало не только делом чести, но и символом возрождения Гюмри². По словам мэра, «лишь в тот день, когда Аменапркич будет восстановлен, можно считать Гюмри восстановленным»³.

В дискуссии, которая развернулась вокруг концепции восстановления этого памятника, были озвучены практически все принципиальные подходы к восстановительным работам в Гюмри. Применительно к Аменапркичу (рис. 5) обсуждались следующие тактики: 1) разрушить до конца и расчистить эту территорию; 2) высвободить фасад, сохранившиеся части и достроить их камнем другого цвета так, чтобы вся дополненная часть выделялась; 3) «разрушенную часть храма вместе с куполом предлагалось достроить в виде каркаса со стеклами, т.е. храм достраивался “прозрачно”, храня призрачную память о своем прошлом» [Абрамян 2006]; 4) восстановление прежнего вида храма, с минимальными технически необходимыми изменениями (например, из-за железобетонной прокладки стены храма должны были уплотниться, что несколько меняло внутреннее пространство здания). Победила последняя концепция — концепция реанимации, возврата к функционирующей жизни, а не превращение руин в «естественный» памят-

¹ Из интервью с архитектором С. Калашяном [ПЭМ 2006, Ереван].

² Мэр Гюмри Вардан Гукасян в 2008 г. в пятый раз переизбранный на эту должность, свои предвыборные кампании проводит под лозунгом «Надежда, любовь и вера». Показательно, что в триаде мэра на первом месте фигурирует надежда — ср. название «Город надежды» одного из фильмов о Гюмри, созданных по его заказу. Вера играет не менее важную роль в политическом девизе мэра: в его рекламный телеклип вошли сцены, где он водружает крест на храме Св. Знамения, восстановительные работы в котором были сделаны на его личные средства. Во время последней предвыборной борьбы одной из часто поднимаемых тем его оппонентов были незаконченные восстановительные работы храма Всеспасителя (Аменапркич).

³ Цитата из фильма С. Кажванцян «Город надежды» (2003).

ник (второй и третий варианты¹), в котором был очевиден подход эстетизации преходящего.

«Руины, словно возвращающиеся обратно в землю, ценятся повсеместно за эмоциональные оттенки, порождаемые их видом. <...> Но в самой основе эмоционального удовлетворения лежит обостренное чувство течения времени» [Линч 1982: 152]. Однако у города, так близко соприкоснувшегося со смертью, были «свои счеты» со временем, поэтому город старался не консервировать «гибель», а реанимировать «жизнь». Итак, выбор реставрационного подхода к судьбе храма был обусловлен отношением к разрушенной архитектуре как к живому человеку.

После землетрясения во время заседаний я всегда говорил, что раненых нельзя расстреливать. Тогдашнему марзпету², Арапату Гомцяну, я часто объяснял, что нельзя искажать, коверкать, унижать, демонстрировать инвалидность. В конце концов, ты же тем самым говоришь: «ты человек не нормальный, твоя одна половина на месте, а второй половины нет», — или перекрашиваешь эту половину. Тогда как это один организм, одна структура, одна идея, одно творчество, которое родилось сразу, вместе. Ну, и однажды Гомцян мне сказал: «Раз ты так уверен, пойд и сделай» [Интервью с архитектором, автором проекта восстановления храма Аменаприкч Рафаэлом Егояном; ПЭМ 2006, Гюмри].

Антропоморфизация города получила буквальное воплощение и во время биеннале 1998 г., например, в трактовке концепции восстановления гюмрийского скульптора А. Варданяна, сделавшего «операционное вмешательство», сшив железными проводами трещину на одном из домов Гюмри (рис. III). Человеческое отношение к «раненым стенам» гюмрийских зданий во время того же биеннале проявил и москвич Даниил Филиппов, представивший инсталляцию «Иглотерапия стены».

Итак, после землетрясения не только люди (дети) становятся своеобразными памятниками, но и памятники — людьми. И не в смысле каменного изваяния, что является общим местом для памятника, а в смысле интерпретации неживого объекта как живого. Интересно, что искусство, обычно нацеленное на вечность, в случае его концептуальных направлений, часто использующих современную телекоммуникационную технику,

---

¹ По мнению архитектора Рафаэла Егояна, от этих вариантов отказались еще и по той причине, что они требовали безукоризненного технического исполнения, что в годы, когда обсуждались проекты, было нереалистично для уровня строительства в Гюмри [ПЭМ 2006, Гюмри].

² *Марзпет* — название губернатора отдельных провинций в современной Армении.

Рис. III. А. Варданиян «Операционное вмешательство».
Снимок Г.А. Шагоян. 08.12.08

на деле рассчитано на быстротечную коммуникативную память. Такое искусство обычно предполагает дожить лишь до момента инсталляции и перформанса, чтобы затем немедленно переместиться на полку фотодокументов и каталогов.

Что касается других подходов, возникших при обсуждении судьбы храма Всеспасителя, то некоторые из них имели неожиданное продолжение. Так, идея здания из стекла и металла получила другое воплощение¹. Рядом со второй церковью

¹ На эту параллель нам указал художник В. Пахлавуни-Тадевосян.

Св. Богородицы, выходящей на ту же площадь (бывшего Майского восстания), сын архитектора, реставрирующего храм Всеспасителя, архитектор Г. Егоян спроектировал здание из стекла и металлической решетки для магазина технической аппаратуры. Новое здание съмитировало внутри стеклянной части блок соседнего с ним кинотеатра «Октябрь», сохранившегося во время землетрясения и ныне отреставрированного (рис. 6). В результате архитектор по-своему воплотил проект «здания-витрины» для демонстрации старины (в данном случае — имитации соседнего старого здания).

Трансформация идеи стеклянной консервации храма Всеспасителя в застекленный макет прошлого (продолжение здания кинотеатра «Октябрь») является весьма остроумным решением, иллюстрирующим идею «временного коллажа» архитектора-семиотика Кевина Линча: «Для усиления сегодняшних ценностей и чувства потока времен я бы применил “временной коллаж” — творческое соединение разрушения и добавления, а в тех случаях, где в игру входят персональные отношения, я считаю естественным сохранение отпечатков столь же избирательно и нестойко, как это делает сама память» [Линч 1982: 163]. Продолжение такого отношения к прошлому стало особым направлением в строительстве Гюмри после землетрясения, основной чертой которого является попытка придать новому сходство со старым (например, новое здание рядом со старым зданием текстильной фабрики или здание нового муниципалитета по контуру и на месте здания бывшего горсовета).

Памятники жертвам землетрясения. Рядом с храмом Всеспасителя был установлен основной памятник — мать с ребенком, к которому до 2007 г. возлагали цветы и венки официальные власти в день годовщины землетрясения. Мотив «матери с ребенком» — наиболее часто воссоздаваемый сюжет на малых памятниках жертв землетрясения. Многие такие памятники установлены силами соседской общины, родственников в своих дворах или вдоль улиц. Интересно, что в новом микрорайоне Гюмри (58-й городок) первые соседские мероприятия тоже начинались с установления монументов в память жертв землетрясения (ср. с архаичной традицией освящения места путем переноса священных мощей или некоторых символов из прежних мест проживания)¹. В результате некоторые дворы приняли достаточно организованный и благоустроенный вид, организуясь вокруг центрального памятника — чаще всего декорированного источника воды. И несмотря на то что в этом микро-

---

¹ Ср.: [Харатян 2003: 71–77].

районе в первые годы заселения собрались сравнительно немужские жители, сбор денег на установление памятника не вызывал никаких пререканий или отказа от участия.

Образ матери с ребенком, конечно, восходит к образу Богородицы. Но образ спасающей своего ребенка матери в Гюмри имеет «живой» пример из коммуникативной памяти, не связанной с образом Богоматери. Это история женщины, которая, оказавшись под руинами с трехмесячным ребенком, выкормила его собственной кровью, после того как на третий день пребывания под завалами у нее пропало молоко. Их обнаружили на шестые сутки. Эта история материнского героизма облетела весь мир: мать с ребенком стали почетными горожанами нескольких европейских городов. Ее упоминали ученики и в школьных сочинениях 2006 г., а на 18-ю годовщину землетрясения в «Вестях» Первого национального телеканала Армении ей был посвящен отдельный репортаж.

Своеобразным воплощением героического материнства стал образ тридцатилетней Марине Нуроян, спасенной из-под развалин спустя 38 часов после землетрясения. Именно ее фотография с детьми, сделанная Мхитаром Хачатряном, облетела почти весь мир, оказалась на обложке многих журналов, а спустя двадцать лет ее портрет уже с внуками стал «визитной карточкой» выставок, посвященных этому трагическому юбилею (рис. 7).

Вообще героизация отдельных эпизодов (один из способов переориентации памяти от травмы к позитивным (героическим) воспоминаниям) — достаточно распространенное явление в культурной памяти (ср. истории сопротивления как во время Холокоста, так и во время геноцида армян). Иногда это механизм коллективного забвения травмы. Особенность данного случая заключается в том, что история переходила из одного круга памяти (коллективной — пресса) в другой (семейный рассказ) и обратно (национальное телевидение). При этом отбор «памятного материала» для коммуникативной памяти может быть обусловлен и более архаичным «конструктом-мифологемой» — ср. образ богини-матери. Пресса, следившая за событиями в зоне бедствия, делала попытки героизации множества других случаев. Например, представлялись истории спасения людей ценой собственной жизни или выполнения рабочего долга, несмотря на личные потери¹. Из них испыта-

¹ Такие случаи чаще касались выполнения «коммунистического долга». Приводились примеры первых секретарей компартии, причем такое изложение часто делалось в духе «героического текста» времен Отечественной войны — ср.: «В этой трагической летописи немало примеров, которые наилучшим образом характеризуют коммунистов, их выдержку, стойкость, мужество, самообладание,

ние временем выдержала и попала в «избранное» как культурной, так и коммуникативной памяти именно история матери с ребенком. Примечательно, что новый мемориальный комплекс, установленный на месте работы З. Коштояна у храма Аменапркич и представляющий собой сбитые в единую фигуру множество отдельных тел, также увенчивается фигурой матери, защищающей детей¹ (рис. 8).

Памятник матери с ребенком был задуман для того, чтобы определить место для официального церемониала поминовения², но его локализацию на самом деле предопределил пострадавший от землетрясения храм Всеспасителя, который в силу аналогичной причины разрушения ассоциировался с погибшими. В городе, где на каждом шагу сталкиваешься с «естественной» могилой, «памятную собирательную могилу» установили в пустом пространстве (до землетрясения на этой площадке не было никаких сооружений), тем самым определив равенство погибших в разных местах, символически собрав их у храма с похожей судьбой — еще одной жертвой землетрясения. «Есть некая горечь в мимолетности, в исчезновении старого. Старые игрушки³, сделанные для короткого употребления и связанные с преходящим периодом жизни, становятся более мощными эмоциональными символами, чем серьезные неподвижные монументы» [Линч 1982: 152].

Первым памятником, около которого возлагались официальные венки и цветы, был крест-камень у входа Ширакского кладбища, установленный в 1989 г. по поводу годовщины землетрясения как памятник пропавшим без вести. Крест-камень был сделан по образцу самого большого ширакского *хачкара*⁴. Кладбище разрослось именно за счет погребенных здесь жертв землетрясения. Лидер Народной партии Тигран Карапетян

самоотверженность перед лицом огромного бедствия. Товарищ Мурадян, первый секретарь Спитакского райкома партии, потерял одиннадцать членов семьи. Но он не дрогнул, возглавил с коммунистами, оставшимися в живых, всю работу по организации спасения людей, по оказанию первой медицинской помощи, созданию условий их жизнеобеспечения. Он даже не смог быть на похоронах своих близких — не уходил от людей, от народа. Это пример того, каким должен быть не просто секретарь партийной организации, ее настоящий лидер. Я бы сказал даже — национальный герой. Так оценивают его не только коммунисты, но и все трудящиеся. Именно такие коммунисты возглавили всю работу в самые трагические часы и дни. В Ленинакане у первого секретаря районного комитета партии, где практически не осталось в живых членов бюро, то же самое. Председатель исполкома, коммунист, также потерявший семью, тоже остался в строю» (из ответа Н.Н. Слюнкова, возглавившего комиссию политбюро) [Пресс-конференция 1990: 63].

¹ Авторы памятника: скульпторы Согоян Ф.М., Согоян В.Ф., Согоян М.Ф. и архитектор Муромский А.И.

² Из интервью с З. Коштояном [ПЭМ 2006, Гюмри].

³ Сломанные игрушки, предметы быта стали часто репрезентируемой темой фоторепортеров, работающих в зоне бедствия.

⁴ Из интервью с гюмрийским этнографом Паруйром Закарянном [ПЭМ 2006, Гюмри].

годовщины землетрясения традиционно отмечает именно на этом кладбище, возлагая цветы не только у упомянутого крест-камня, но и на безвестные могилы, на которых нет надписи, только номер¹.

Предполагалось, что большой памятник будет установлен на улице Арагац, где даже появилась стела с надписью о том, что здесь будет воздвигнут памятник жертвам землетрясения. До того на этом месте стоял памятник комсомолу: две большие колонны, которые впоследствии пришли в полную негодность. Таким образом, некоторые места в городе уже имели за собой закрепленную функцию «памятного пространства», сейчас же вопрос вставал, какой памятью их заполнить. После того как появилась работа З. Коштояна «Мать с ребенком», необходимость в появлении основного городского памятника, казалось, отпала. Видимо, поэтому большой проект С. Калашяна не получил значительной огласки. Впоследствии на стеле силами жителей ближайшего квартала было выбито изображение (теперь уже трудно различимое). Камень, установленный для фиксации места для будущего монумента, стал восприниматься как еще один памятник жертвам землетрясения, но уже «квартального» значения и потому также получивший «статус неприкосновенности», тем более что необходимости его смещать, как это случилось с камнем-памятником 16-й школы, здесь не было. Рядом с ним, на месте «комсомольского колосса», появилась арка Багратидов как дань исторической (культурной) памяти региона (территория Ширакского марза входила в феодальное царство династии Багратидов, лев с герба которых вошел в новый герб Гюмри).

Итак, в концепции возрождения Гюмри появилась тема «сильного государства» со своим князем, которого в современном городе «заменяет» персона мэра. Постсоветская административная перестройка создала такую систему управления, что архитектура во многом начала определяться личным вкусом городского мэра. Это достаточно распространенное явление (скажем, архитектурную историю Парижа принято отсчитывать по годам правления того или иного мэра).

К сожалению, в рамках данной статьи я могу лишь коротко определить современный стиль застройки Гюмри как лужковский². На персону московского градоначальника мэр Гюмри ориентируется во многих вопросах, вплоть до личного имиджа (например, ходит в знаменитой лужковской кепке). Одно из

¹ Ср. [Марутян 2006а: 172–180].

² О лужковском стиле см. например: [Паперный 2004: 153–155, 159].

качеств этого стиля — сочетание монументализма и реализма — предопределило выбор мэрами любимых скульпторов. У Ю. Лужкова в «любимцы» попал Зураб Церетели, а у гюмрийского мэра В. Гукасяна — Артуш Папоян¹.

В интервью жители города оценивали его скульптуры как хорошие, но стоящие на неправильном месте [ПЭМ 2006, Гюмри]. Например, его «Армянка» находится на площади Независимости, которая сейчас функционально стала вузовским центром, а по изначальному плану мыслилась как административно-идеологическая площадь. В 1954 г. на площади, носящей имя В.И. Ленина, был установлен памятник вождю мирового пролетариата работы С.Д. Меркурова. Здесь был расположен горком компартии Ленинанкана, здесь же принимали в октябрята и пионеры.

Судьба этого памятника, можно сказать, стала мистериальной инсталляцией самого города. Когда после провозглашения независимости во многих республиках стали убирать памятники советской эпохи (прежде всего памятники Ленину²), в разрушенном Гюмри, где было не до демонтажа памятников советской эпохи³, его решили буквально прикрыть до лучших времен. Ленинанкан после землетрясения был заполнен «домиками» — временным жильем для пострадавших от бедствия, и на памятник также надели деревянное сооружение, напоминающее такой «домик».

«Домики» наряду с руинами для гюмрийцев стали символом землетрясения. Об этом свидетельствуют описания разрушенного города в школьных сочинениях («домики» и руины в них перечисляются через запятую), а также концепция восстановления города, согласно которой его можно будет считать «восстановленным только тогда, когда последний житель покинет “домик”»⁴. Ленин, имя которого носил город, оказавшись в «домике», разделил судьбу горожан. И остряки-гюмрийцы по этому поводу сердито шутили: «И даже здесь он получил жилье вне очереди!»

После того как памятник все же был снят, пустующий пьедестал в центре города стал ассоциироваться с руинами (ср. «руи-

---

¹ Он является автором «Армянки», установленной на месте памятника Ленину, а также скульптурного ансамбля, посвященного гюмрийским музыкантам Шераму и Дживани.

² О демонтаже памятника Ленину в Ереване, который вылился в ритуал, см.: [Абрамян 2003: 30–34].

³ Ср.: «По слухам, в которые до сих пор верят, он до этого уже один раз был низвергнут — подземными толчками 7 декабря 1988 г., но был за один день вновь водружен на постамент» [Абрамян 2006].

⁴ Из беседы с мэром Гюмри В. Гукасяном в фильме «Город надежды» (2003). Эта же идея звучала во многих интервью с прохожими в Гюмри и Ереване в телерепортажах по поводу 18-летней годовщины землетрясения 7 декабря 2006 г.

ны советской идеологии»). Неудивительно, что мэр города решил символ советской идеологии заменить новым — постсоветским. А такой идеологией для него стало христианство¹, поэтому место Ленина заняла статуя св. Богородицы (работа А. Папояна). Однако католикос², видимо усмотревший в этой замене профанацию святого персонажа, не согласился с этим проектом. Последовало «исправление» памятника: со статуи убрали нимб, Богородица преобразилась в обычную женщину на фоне христианского символа — креста [ПЭМ 2006, Гюмри], а памятник соответственно был переименован в «Армянку». Но «святое» прошлое памятника, впрочем, как и ныне стоящий крест, не позволяют «интегрировать» его в живую канву города, как это (пусть даже цинично) делали с памятником Ленина [ПЭМ 2006, Гюмри]. В создавшейся ситуации неплохая скульптура настолько дистанцирована от социальной жизни города, что ее наличие на таком месте (нагруженном идеологической памятью) мало чем отличается от ее отсутствия.

Это абсолютно неподходящая для площади статуя, мне так кажется. Там можно было бы установить что-нибудь другое. Я не говорю, что не принимаю христианства, но что это за место для Богородицы Мариам?! А потом еще и нимб убрали... Какие мы христиане?! Ничего не знаем: что можно, чего нельзя. Это потом уже сказали, что нельзя нимб ставить. Да и вообще, почему сняли Ленина? Пусть бы остался, это же было произведение искусства. Пусть остался бы, а потомкам бы рассказывали, что был такой лидер пролетариата... Правильно или неправильно он поступал — судить не нам. Я не знаю, что было ошибкой, а что — истиной. Пусть бы не снимали его, а если уж сняли, то пусть установили бы памятник какому-нибудь гюмрийцу или достойному человеку. Я не знаю, как называется площадь: Свободы или Независимости? Так пусть что-нибудь созвучное названию площади поставили бы. А то Вардану Гукасяну, поскольку он рьяно верующий, взбрело в голову, вот и поставил такой памятник, а почему? Непонятно [Интервью с учительницей; ПЭМ 200, Гюмри].

Скульптура Ш. Азнавур работы другого автора, выполненная в том же духе, была установлена вне конкурса (в отличие от упомянутого памятника А. Папояна на площади Независимости) под аркой (работы архитектора А. Тарханяна), воздвигну-

¹ Кстати, в Ереване место памятника Ленину в 2001 г. занял огромный крест, который водрузили по поводу празднования 1700-летия принятия в Армении христианства, но в Ереване изначально было решено, что замена памятника крестом временная. Потом место креста на ереванской площади занял рекламный щит, который впоследствии также убрали.

² Католикос — титул патриархов Армянской апостольской церкви.

той здесь до землетрясения. Она также вызвала почти единодушное непризнание. «Египетский» образ великого шансонье, может, и пришелся по вкусу мэру, но не понравился горожанам; он не понравился и худсовету. Кстати, некоторые члены совета перестали посещать этот имитационный орган коллегиального принятия решений именно после того, как мэр утвердил единогласно раскритикованный им проект [ПЭМ 2006, Гюмри]. Теперь, насколько мне известно, такой совет не собирается даже формально, хотя во время предвыборной кампании в местные органы самоуправления в 2008 г. стали звучать обещания вновь его собрать.

Скульптурное «заселение» Гюмри после землетрясения можно определить в трех основных направлениях¹: 1) памятники монументально-реалистического стиля, подогнанные под вкус мэра; 2) дары городу, которые, как правило, поступают от армянской диаспоры (памятник Ш. Азнавуру, Мемориальный комплекс в память жертв землетрясения 2008 г.); 3) работы местных художников, творящих не на заказ, а по собственной инициативе, обычно для участия в конкурсах и фестивалях. Их авторы, на мой взгляд, предлагают наиболее интересные и неожиданные решения (см. «Операционное вмешательство» А. Варданяна или проект мемориального комплекса С. Калашяна и его соавторов).

Проект построения большого памятника жертвам землетрясения (упомянутый проект С. Калашяна и его соавторов) со стороны некоторых скульпторов и художников Гюмри воспринимается как нависшая над городом опасность подавления всего остального монументального ландшафта. По их мнению, мемориал может создать не свойственный для Гюмри образ мрачного города, который будет ассоциироваться исключительно с землетрясением. Это понимают и проектировщики нового монумента, поэтому они постарались в его концепции подчеркнуть идею «памяти об уроках землетрясения», а не скорбь по погибшим. Достаточно интересный с точки зрения архитектурных и эстетических решений монумент, конечно, таит опасность «подавления» других памятников, но это «подавление» может быть направлено и на коммуникативную память горожан, «охлаждая» и канализируя индивидуальную травму в банк исторической памяти. Ведь «слишком много памяти там, где мало памятников» [Эткинд 2006]².

¹ Такую классификацию мне подсказал антрополог Л. Абрамян.

² Ср. с эпиграфом настоящей работы.

В нашем случае их количество достаточно внушительно, но они не выполняют роли общего места памяти (как, например, это произошло с мемориальным комплексом жертв геноцида в Цицернакаберде) [Марутян 2006а]. Эти памятники больше напоминают надгробные плиты, которые покинули кладбище, переместившись на «поле сражения»¹. Пока что коммуникативная память, закрепленная за конкретными местами гибели, превалирует над памятью культурной. Вероятность ритуализации этого дня вокруг нового памятника, о чем мы говорили выше (зажигание свечей), может стать одной из движущих сил переориентации с «личного горя» на «общую беду». Попытки задвинуть трагедию в рамки коммуникативной семейной памяти — не всегда верная гарантия безопасности «благополучной» культурной памяти. И как бы ни пытались «сверху» забыть или «затушевать» это событие (например, объявляя 7 декабря рабочим днем), в зоне бедствия в этот день «национальные правила» теряют силу и коммуникативная память торжествует над решениями правительства.

Память об этом событии спонтанно стала частью школьных мероприятий. Дети по-своему ритуализируют этот день: пишут стихи, готовят стенды². Известно, что поэтическое оформление часто служит для мнемонических целей [Ассман 2004: 59]. Поэтому поэтические надписи на различных памятниках встречаются достаточно часто. Самым распространенным случаем являются поэтические эпитафии, выбитые на могильных плитах³, которые делаются не для правильной интерпретации памятника (как, скажем в «скульптурной литературшине» [Паперный 2004: 153–254]), а являются духовным обращением к Богу или самому покойнику.

Строки из «Книги скорбных песнопений» армянского средневекового поэта Григора Нарекаци нашли свое место на задней стороне памятника жертвам землетрясения скульптора З. Коштояна. Последний при проектировании памятника рассчитывал, что храм Всеспасителя будет восстановлен и его посетители будут «читать» памятник и с обратной стороны. С такой перспективы видна только голова женщины, устремленная вверх, что, по интерпретации автора, выражает надежду на спа-

¹ Ср. памятник погибшим в авиакатастрофе югославским летчикам, спешившим на помощь в зону бедствия. Их памятник, собранный из остатков самолета, был установлен на месте падения самолета, близ Эчмиадзина, став местом поминовения жертв землетрясения для населения и официальных лиц ближайших поселений, в том числе Эчмиадзина.

² Из интервью с директором 4-й средней школы [ПЭМ 2006, Гюмри].

³ Об эпитафиях, выбитых на могильных плитах на гюмрийском кладбище, см.: [Оганесян, Саакян 2000: 161–164].

Рис. IV. Скульптура З. Коштояна, посвященная жертвам спитакского землетрясения. Снимок Г.А. Шагоян. 24.10.06

сение (рис. IV). Об этом же говорят цитируемые стихи, в данном случае сочетающие интерпретацию памятника (литературность) с эпитафной армянской традицией, ярким примером которой являются надписи на *хачкарах*. Поэтическое кодирование травмы сочетает сплав личного переживания с неким пафосом, позволяющим одновременно и выплеснуть эмоции, и осмыслить их.

Вместо заключения

Я хочу завершить статью еще одной «памятной» цитатой, предусмотренной вместо пояснительной записки к новому (еще не построенному) памятнику жертвам землетрясения, которую написал один из авторов проекта, С. Калашян. По его признанию, он этими строками гордится больше, чем самим мемориальным комплексом, поскольку ему удалось передать то, что он почувствовал сам, будучи свидетелем трагедии. Архитектор по-своему решил проблему с индивидуальной травматической памятью. Удивительно, как в объекты, казалось бы, исключительно культурной памяти таким образом проникает интимность коммуникативной памяти. Для меня же нижеприведенное описание — сумма всех «памятных» характеристик, которые удалось зарегистрировать по ходу исследования.

В этой пояснительной записке к будущему памятнику читатель найдет упоминание почти всех деталей памяти, как коммуникативной, так и культурной, которые мы обсуждали выше. Поэтому я предлагаю ее вместо заключения, где читатель может найти многие ключевые понятия, которые более или менее подробно были рассмотрены в нашем исследовании (перевод предоставлен авторами проекта):

ПЕСНЬ СКОРБИ И ОДА ВОСКРЕШЕНИЯ

— *Дедушка, милый, вон там, на виду, почему сломали громаду-плиту?!*

— *Родной мой внучонок, плита та, громада не поломана вовсе. И не завал, не руина она, а рана сквозная и острый в ней клин, как горькая память по душам ушедшим, а также урок и бесспорно укор нам всем, уцелевшим. Молельня она, крест и алтарь, символ Троицы нашей Святой, порывом ветра разбуженный звон, Храм во спасенье затерянных душ и, в конце концов, гибнущего града к милосердию зов.*

Красив был Гюмри, в безмятежном покое, приветлив и весел, в искусстве горазд, с ликом приглядным старинных домов, с любовью к обрядам, к церквям и звонницам, с зурной и с дудуком, пред каждым порогом, отнюдь не готовый к грядущему року.

Но день тот настал, туманный и мрачный, и скрыт пеленою был весь небосвод.

Вдруг недра неожиданно вздулись, напряглись, качнулись чуть-чуть и с мощью огромной и злой сотряслись. Ревом разнесся ужасающий гром.

*Потом воцарилось глухое молчанье, под облаком пыли за-
тишье на миг. Потом разнесся стон приглушенный, вопли раз-
дались и справа и слева, из разных углов, переулков, проездов,
из-под руин и завалов домов. Потом вереница протянутых
рук, соседа, страны, народов Земли. Потом времянки, избы,
палатки. Потом костры и свеч огоньки в кошмарной ночи.
Потом унынье, стон отчаянья, а дальше паденье, паденье все
вниз,*

Все словно во сне,

*Но время пройдет и годы пройдут. Сквозь поколенья в поту
и в труде воспрянет Гюмри вновь ото сна, быть может,
с иной, отличной средой. Но чтоб не забыть и вновь не спот-
кнуться об камень опять, внизу, под осколком громады-пли-
ты, музей размещен. Сквозь своды его уж смотрят на нас со-
тни и сотни печальных глаз, канувших в тот раз. Там мы с до-
садою, с болью в душе, будем друг друга порой порицать: как
же тогда мы утратили бденье, пред очень знакомой, коварной
и грозной Стихией Земной?!*

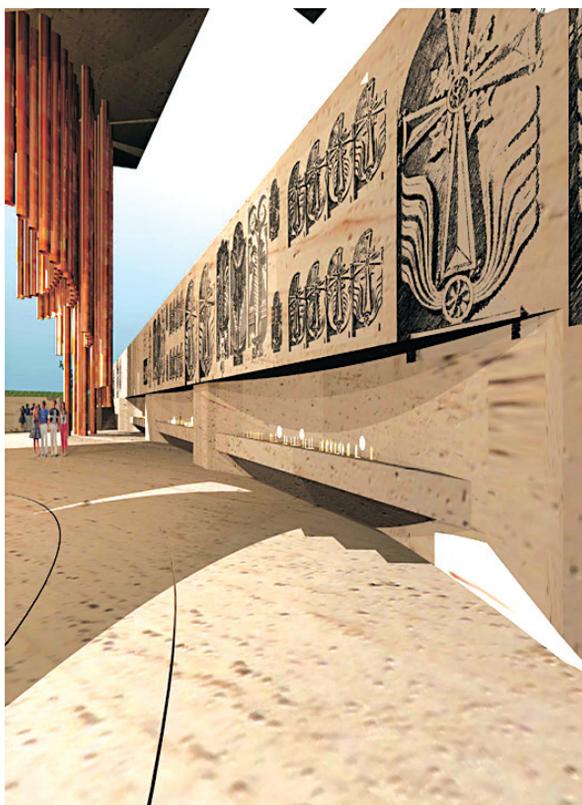
*Так ручку подай, мой милый внучок. И шагнем вперед. По чер-
ному шраму, вдоль лезвия клина, сойдем под плиту. Взор наш
подыдем, устремим его ввысь, обратим его к Богу и к ангелам
всем. Затем, оваянные певческим хором, завернем чуть впра-
во. Под звоном, рожденным волнением ветра, пред памятной
стенкой возложим венки, священные свечи несметно зажжем
и с глубин души самозабвенно молитвы направим*

Господу Богу

Во имя Спасенья Творенья Его.

Рис. 1. Мемориальный комплекс жертв Геноцида армян (установлен в 1967 г.), Ереван. Авторы: А. Тарханян, С. Калашян.
Снимок А. Марутяна, 24.04.01

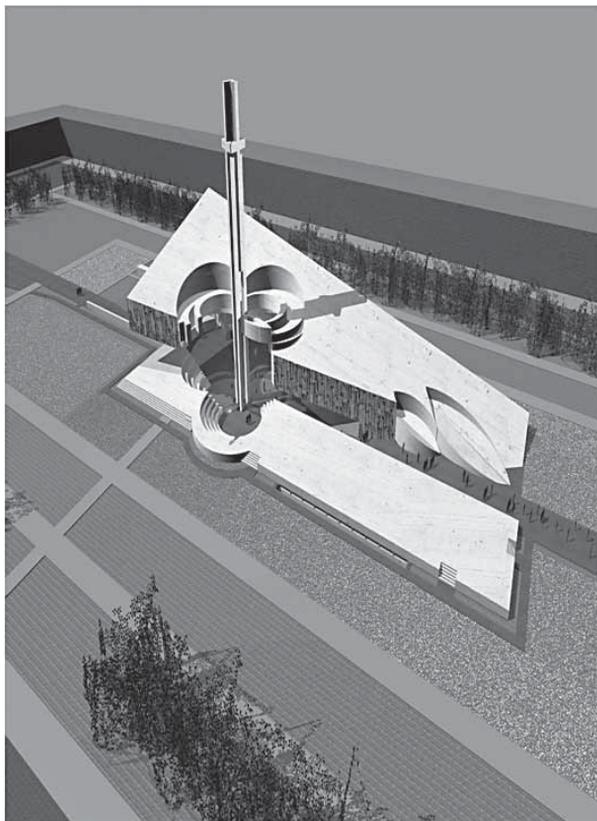
Рис. 3. Проект Мемориального памятника в память жертвам землетрясения 1988 г. Авторы: А. Тарханян, С. Калашян, М. Черкезян.
Фрагмент с подпирающими «органными» трубами

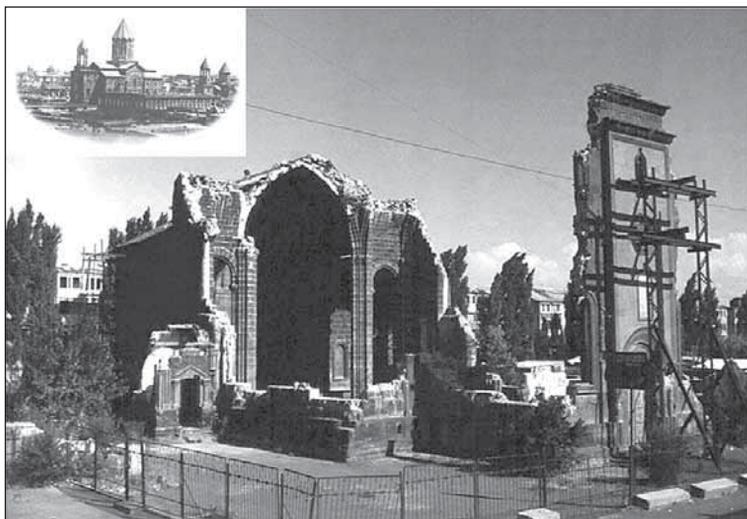
Рис. 4. Мемориальный камень 16-й школы. Гюмри.
Снимок Г.А. Шагоян, 08.12.08

Рис. 6. Здание магазина «Zigzag», Гюмри. Архитектор Г. Егоян.
Снимок Г.А. Шагоян, 08.12.08

Рис. 2. Проект Мемориального комплекса жертвам землетрясения 1988 г. Авторы: Б. Арутюнян, С. Калашян, М. Черкезян

Рис. 5. Аменапркич до землетрясения 1926 г. и после землетрясения 1988 г. Гюмри

Рис. 7. Марине Нуроян с детьми и с внуками. Стенд над входом в картинную галерею «Стиль», где проходила выставка фотографий, посвященная 20-летию спитакского землетрясения. Гюмри. Снимок Г.А. Шагоян. 08.12.08

Рис. 8. Памятник «Жертвам безвинным, Сердцам милосердным...», сооружен к 20-летию спитакского землетрясения.

Гюмри. Авторы памятника: скульпторы Ф.М. Согоян, В.Ф. Согоян, М.Ф. Согоян, архитектор А.И. Муромский.

Снимок Г.А. Шагоян. 08.12.08

Список сокращений

ПЭМ — Полевые этнографические материалы

Библиография

- Абрамян Л.А.* Борьба с памятниками и памятью в постсоветском пространстве (на примере Армении) // Acta Slavica Iaponica. Sapporo, 2003. Т. XX. Р. 25–49.
- Абрамян Л.А.* Жизнь и смерть памятников в постсоветском Ереване: мифы, герои, антигерои. 2006 (рукопись).
- Абрамян Л., Айрапетян В., Аракелян Г., Гулян А.* Разговор о круглых и абсолютных числах. Ереван, 1981–1984 (рукопись).
- Армения, декабрь '88. Ереван: Айастан, 1990. 558 с.
- Арутюнян Ю.* Счет времени в Гюмри // Голос Армении. 2006. № 136. 19 дек.
- Ассман Я.* Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
- Балаян З.* Послесловие // Азатян В. Ленинакан. Ереван: Изд-во ЦК КП Армении, 1989. С. 168–169.
- Варданян Г.* Гюмри. Ереван: Тигран Мец, 2006 (на арм. яз.). 880 с.
- Вельцер Х.* История, память и современность прошлого. Память как арена политической борьбы // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). <<http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/vel3.html>> (09.06.2006).
- Гулян А.* «Я не видела дочери» // Истории о бедности. Ереван: Лусакн, 2001. С. 78–93 (на арм. яз.).
- Еринджакян Л., Пикичян Р.* Гимн солнцу «Саари» в армянской музыкальной культуре. Ереван: Гитутюн, 1998 (на арм.яз.). 116 с.
- Златковская Т.Д.* Исторические корни европейского календаря // Календарные обычаи обряды в странах зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаев. М.: Наука, 1983. С. 24–39.
- Линч К.* Образ времени // Линч К. Образ города. М., 1982. С. 15–141.
- Маргарян Н.М.* Выбор личного имени у восточных армян (XIX–XX вв.) (этнологическое исследование). Дис. ... к.и.н. Ереван, 2000. 183 с.
- Марутян А.* 2006. Памятник как кладбище (на примере мемориала геноцида) // Армянская народная культура. XIII. Ереван: Гитутюн, 2006а. С. 172–180 (на арм. яз.).
- Марутян А.* Роль памяти в структуре национальной идентичности. Проблемы теории. Ереван: Нораванк, 2006б. 89 с.
- Микушин В.* Так это было // Акционер. 05.12.97 <www.chelpress.ru/newspapers/akcion/archive/05-12-1997/3/F1.DOC.html> (10.06.06).
- Нора П.* Франция-память. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1999. 328 с.

- Оганесян Р., Саакян К.* О художественных надписях надгробных камней // Центр арменоведческих исследований Ширака. Научные труды III. Гюмри: Гитутюн, 2000. С. 161–164 (на арм. яз.).
- Паперный В.* Мос-Анджелес. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 280 с.
- Петросян Г.* Хачкар: генезис, функции, иконография, семантика. Ереван, 2008 (на арм. яз.). 406 с.
- Пресс-конференция в Ереване для советских и иностранных журналистов // Армения, декабрь'88. Ереван: Айастан, 1990. С. 60–65.
- Саакян А.С.* Культурно-мемориальные памятники в системе армянской средневековой народной культуры: Дис. ... к.и.н. Ереван, 1986. 186 с.
- Саакян А.С.* Хачкары — этнокультурные памятники средневековой Армении // Историко-этнографические исследования по фольклору. Сборник памяти Сергея Александровича Токарева. М.: Восточная литература, 1994. С. 214–237.
- Саркисян А., Хатунцев В.* Из сообщений ТАСС // Армения, декабрь'88. Ереван: Айастан, 1990. С. 73–74.
- Сафарян Л.В., Пирузян С.А.* Причинно-следственный резонанс Спитакского землетрясения в Армении // Вест. общественных наук (НАН РА). 2002. № 1 (105). С. 65–77 (на арм. яз.).
- Харатян Л.* «День Панда»: об одном случае возникновения нового места паломничества // Проблемы армянской этнологии и археологии II: материалы X Республикан. науч. конф. молодых ученых, посвящ. 50-летию Завена Харатяна. Ереван: Гитутюн, 2003. С. 71–77 (на арм. яз.).
- Эткинд А.* Столетняя революция: юбилей начала и начало конца // Отечественные записки. 2004. № 5 <www.strana-oz.ru/?numid=20&article=939> (30.10.06).
- Abrahamian L.* Armenian Identity in a Changing World. Costa Mesa, CA: Mazda Publishing, 2006. 406 p.
- Petrosyan H.* The Khachkar or Cross-Stone // Abrahamian L., Sweezy N. (eds.) Armenian Folk Arts, Culture, and Identity. Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press, 2001. P. 60–70.